

Илья ЛИРУЖ (Ружанский Илья Львович) родился в 1938 году в Москве. Кандидат технических наук, изобретатель, лауреат Госпремии Совета Министров СССР в области строительства. Почетный строитель России, член Международной Ассоциации Инженеров по пространственным конструкциям (LASS), автор более 120 научных работ, опубликованных в профессиональных журналах и сборниках.

Член Союза писателей Москвы с 1996 года. Член Союза писателей России (МГО) с 2012 года. Член Международной Гильдии писателей с 2013 года.

Первая поэтическая публикация Ильи Лиружа состоялась в 1960 году (журнал «Звезда Востока», г. Ташкент), во время его службы в армии. Автор восьми поэтических сборников. За книгу «И ничего не изменить» (2012) награжден дипломом МГО СП России «Лучшая книга 2011–2013». Лауреат литературного марафона «Zlatni Pegaz» (МГП, 2013). Награжден медалью им. М. Ю. Лермонтова (2014). Включен в шорт-лист авторов сборника «Литературное достояние России».

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

(цикл, 1953–2014 гг.)

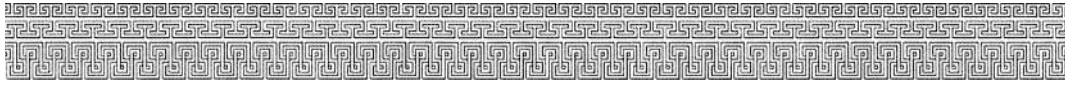
СМЕРТЬ СТАЛИНА

* * *

Парень высказался открыто
На исходе второго дня:
Сколько было Им перебито —
Ни покрышки Ему, ни дна...

Класс взорвался, а после — стало,
Стало видно, когда затих,
Что учительница — рыдала,
Горло пальцами перехватив.

Так по-бабьи, без всякой позы,
Перед мальчиками — врасплох.
Безголосые эти слезы
Им вколачивало под вздох,

Перехватывало дыхание...
Что он делает — этот псих?! —
Невозможное своё знание
Перекладывает на них,

На их плечи, ещё некрепкие,
Плечи мальчиков — не мужей.
В классе школы-десятилетки
Их швырнуло на вираже.

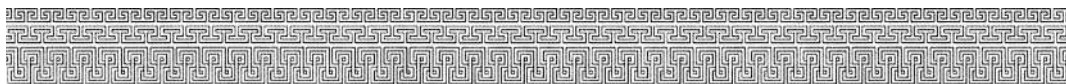
Им решать ещё предстояло,
Но сегодня, в конце концов,
Перед ними её стояло
Перевёрнутое лицо...

Класс молчал — и смотрел тоскливо
Каждый прямо перед собой...
Их учительница уходила,
Мелко вздрагивая спиной.

А потом, когда распустили
Нас — до времени — по домам,
Одноклассники его били
По мошонке и по зубам.

Чтобы не наводил осУда,
Чтобы помнил, кто он и где,
Чтоб не радовался, иуда,
Всенародной нашей беде...

* * *

Люди плыли, плыли, плыли
По бульварам и площадям,
Были зной и пыль — и стыли
В этой очереди по ночам.

Её гнали и закольцовывали,
Возвращали её назад.
Сколько раз по Кольцу Садовому
Мы прошли по четыре в ряд.

Люди плыли и плыли, и плыли...
По инерции — головных
У летучих кордонов давили
Направшие сзади ряды.

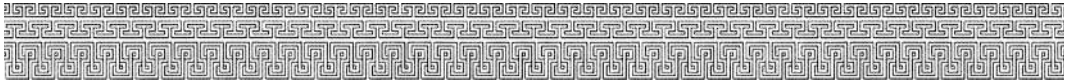
Люди шли — их святое право
Было в том, чтобы так идти:
Опрокидывая заставы,
Возникавшие на пути,

Пробивая себе дорогу,
Убивая — не по вражде...
Люди шли — поклониться Богу
На последнем Его рубеже.

Так к истокам идёт белуга
Нереститься, сбиваясь в кровь.
Люди — лавой, давя друг друга,
Шли, чтоб выразить скорбь и любовь.

Шли вторые и третьи сутки —
Это как кому повезёт —
Сапоги и ботинки, и куртки,
Бумазея и шевиот.

Вот и стал Он — общедоступным —
Бог — наш Дух, и Бог — наш Отец...
Люди шли, разбивая ступни,
И входили к Нему, наконец.

И тогда, в белоствольном Зале,
Среди крепа и мраморных стен,
Эти люди — навзрыд рыдали,
И над ними рыдал Шопен.

Чьё сознание тогда примирилось? —
Эта смерть нас застала врасплох.
В мире что-то переменилось, —
В мире умер последний Бог...

* * *

*Спасибо Вам, что в дни великих бедствий,
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе.
За то, что Вы живёте на земле...*

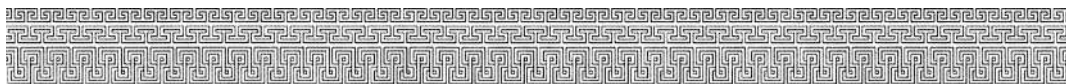
*Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.*

М. Исаковский

Пели в детских садах и в школах,
Пели дома и пели в залах,
Пели хором и пели — соло
Сколько помню себя — осанну.

Человеку на всех портретах,
Человеку на мавзолее
Были здравиц полны газеты
Ежедневные и в юбилеи.

Мы привыкли к Его величью,
Мы познали Его значенье
С первой строчки, прочитанной лично,
В самом первом стихотворенье.

Чтоб увидеть Его явление
И другим рассказать взахлёб,
Мы ходили на поклонение
С демонстрацией — дважды в год.

И с портретами над колоннами,
На которых Он — как живой,
Шли по площади, как паломники,
Под простёртой Его рукой.

Как мы верили, ах, — как верили,
И как пели в нас соловьи,
Что живём в самом лучшем времени,
В самой лучшей стране земли,

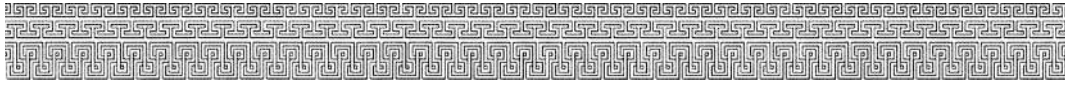
Что не зря мы растём под стягами,
На которых отцова кровь,
Что когда-то своими ранами
Мы докажем к Нему — любовь.

И гордились мы вслух и мысленно,
Что венчАнны одним венцом...
И сияла над нами — Истина
Рябоватым Его лицом.

* * *

Сняли с образа — пелену,
Низковатый лоб обнажили,
В первый раз на Бога — вину
С кафедральных трибун — возложили.

Разметали легенд окоём,
Натоптали в душе — сапогами,
Обезбожили наш пантеон,
Без того не богатый Богами.

И шитьё золотое погон
С плеч спороли — и снята присяга,
И языческий принял огонь
Тело Богово — из саркофага.

Разорвали окружье венца,
Набросали на урну каменья,
Отлучили от Бога-Отца
И от веры моё поколение.

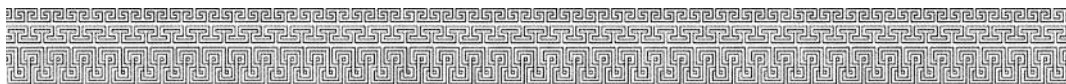
Не скрывая тяжёлой тоски,
Вы портреты Его снимали,
С разлинованной классной доски
Все заветы о Нём — посмывали.

Но когда объяснения нам,
Глядя в сторону, вы бормотали,
Мы не верили стёртым словам —
Мы мальчишку того вспоминали:

Как он шёл и не прятал лица,
Как он нёс неширокие плечи,
Как мы били его — подлеца
За его невозможные речи,

Не догадываясь, что позднее
Станут символом в нашем сознанье
Грубо выщербленный мавзолей
И безгласого Гимна звучанье...

МЫ — СОВРЕМЕННОКИ, НО...

Мы — современники, но — младшие:
Не состояли, не участвовали...
Мы просто выросли — не выжили,
И сами никого не выжили,
Лишь кое-что об этом слышали,
Но руки наши — чистым-чистые.

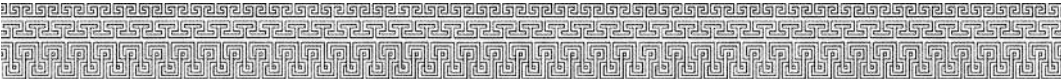
Смешны анкеты наши куцые —
Мы не успели в Революцию,
К Магнитогорску — опоздали,
И ряжи в Беломорканале
Не мы, ПО СЧАСТЬЮ, забивали —
Но мы-то этого не знали...

И души наши — незапятнанны:
Росли — мечтали стать солдатами,
Так, чтобы с ранами, с медалями —
Вперед! За Родину! За Сталина! —
Да не успели — опоздали,
За нас другие воевали.

Не так счастливо воевали,
Не всё — вперёд — и отступали,
И в окруженья попадали,
И смертный плен перемогали,
И не спасали их медали,
Когда свои освобождали —
Но мы и этого не знали...

И были мы предельно искренни,
И верили светло и Истово,
И шли — все как один — с горнистами
У Мавзолея на виду,
К Нему — восторженными лицами,
Не чуя под собой беду.

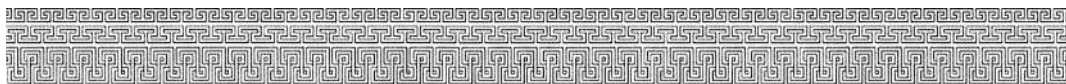
Чужды сомненьям и наветам,
Мы узнавали по газетам,
Что есть ещё враги Заветам,
Но что они — обречены.
И будут навсегда повержены,
Разгромлены и обезврежены,
А их дела — отомщены.

И мы едва умели вынести,
Что, может, не успеем вырасти,
Чтобы самим под корень вывести
Врагов Народа и Страны,
Пока они ещё — допОдлины,
И есть на свете место подвигу,
Который мы свершить должны.

Да, мы росли, на всё готовые,
Надёжные, правофланговые —
Таких сегодня не найти.
Не за серебряники жалкие —
Мы были на корысть не падкие —
А за Идею, черт возьми.

И только проявиться в деле
Мы не сумели — не успели:
Нас вытрясли из колыбели
Стереотипа детских схем.
И мы внезапно осознали,
Как счастливы, что опоздали
И не ответственны ничем...

...Мы — современники, но — младшие.
Не состояли, не участвовали...

НАС ВРЕМЯ ВЗЯЛО В ОБОРОТ...

*Нам время подарило
Пустые обещанья.
От них у нас, Агнешка,
Кружилась голова.*

Б. Окуджава

Нас время взяло в оборот
И не спросило аттестата,
И вдруг — нельзя взглянуть вперёд,
Не оглянувшись виновато,

Не дав себе того труда:
Уже не детскими очами
Смотреть — и с розовыми снами
Проститься разом — навсегда...

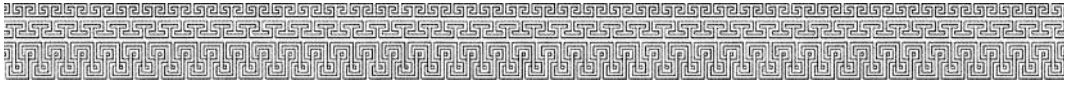
Нельзя не дать себе труда,
Когда всеобщего Кумира
Ниспровергают — и когда
Колелется система мира,

Так стройно созданная Им
И так усвоенная нами,
Которой мыслями, сердцами
И жизнью мы принадлежим.

Ещё теперь принадлежим.
И не своими ли руками
Мы создавали вместе с Ним
Всё, что хотим разрушить сами?

Кумир! — не мы ль тебе кадим,
И, сбрасывая с пьедестала,

Какое древнее начало
В себе самих не пощадим!

Но сбрасываем с пьедестала.
И слушаем, едва дыша,
Как в нас ворочается ржаво
И пробуждается душа.

На поворотах всех времён
Скрипят истории колёса...
Но в сладострастие вопроса
Наш мозг отныне погружён.

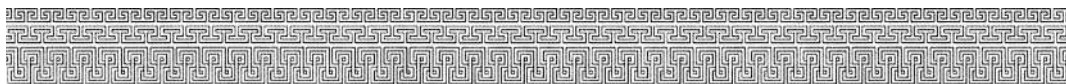
О, сладострастие вопросов,
Разгул суждений, шквал имён.
Под взгляды, брошенные косо,
Встаём — и в полный рост идём.

Вперёд! — того не ждёт расплата,
Кто прах Кумира отряхнёт...
Но тем не так легко — вперёд,
Кто, может, в прошлом виноваты.

Но нам не так легко — вперёд.
Нас не минует час расплаты,
И многим вспомнится тот год,
Как год свободы и — утраты.

Нас время взяло в оборот —
Мы были слепы, как котята —
И, не спросивши аттестата,
Швырнуло нас в водоворот.

ОН НЕ СТАНЕТ ПРОВИДЦЕМ И ГЕНИЕМ

(Хрущёв)

*В мастерской у Неизвестного
С тротуара — за окном
Я увидел лика срезанного
Странный абрис под холстом.
Только первый штрих подобия,
Не законченный вполне —
Это был эскиз надгробия
В мокрой глине — на столе...*

* * *

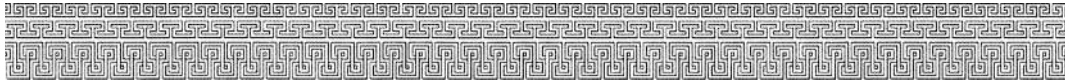
Поклонитесь в толстые ноженьки —
Он на смену Тирану пришёл —
И не станет Героем и Боженькой,
Потому что, по счастью, смешон.

Он не станет Провидцем и Гением,
И его в заключительный путь
Не пойдут проводить с поклонением —
Но придут на надгробье взглянуть.

Голова незлобиво, и весело,
И лукаво, как будто, — глядит...
Сколько было им накуролесено! —
А теперь, словно плаха, гранит.

Как с мужицкой хваткою дерзкою
Брать судьбу он за глотку привык!
Потаённой улыбкою детскою
Освещён его бронзовый лик.

Словно плаха, гранит грубо скошенный —
Мсть и вещная память резца.
И не зря голова припорошена
Прахом злата былого венца...

* * *

Никогда из упряжки не выделен —
Он кормился с Хозяйской руки.
И, быть может, спасался от гибели,
Обрывая с себя постромки.

Но он выпростал душу из упряжи,
По-мужицки рванул — в поворот.
И страна очищается ужасом
Над зиянием наших высот.

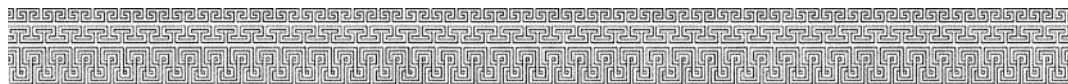
Всё, что было судьбою назначено,
В этот миг он уже совершил.
И не жаль, что Фемида незрячая
Допустила его до вершин.

Повенчали на царство сограждане,
Расстелили ковры вдоль трибун,
И теперь он любого и каждого
Поучал и по-своему гнул.

Ах, как вольно ему без Хозяина!
Обещай и решай — не хочу.
И любые доступны желания,
И мечты, да и блажь — по плечу.

Все дороги — его, все декОрумы.
За зубчатой стеной не скучал —
Колесил. Куролесил на форумах,
По столам башмаками стучал.

И острил, и сорил небылицами,
Озорною улыбкой пленял,
И лукавил, потея под блицами
Кинохроник и телепрограмм...

* * *

Опочили за давностью козыри
В ворохах обещаний и слов.
Обветшавшие хлёсткие лозунги
Невесомы на чаше весов,

Невесомы посуды, а также
Невесома божба удальца —
И смеются весёлые граждане,
И не прячут с опаской лица.

Вот и всё — не скрывайте, не прячьте,
Не страшитесь досужих людей,
И за это — идите и плачьте,
И ведите к надгробью детей.

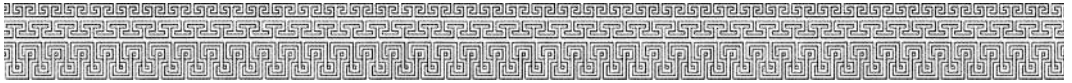
Преклоните колени — а сможете,
Помолитесь с открытой душой,
Что не стал он Героем и Боженькой
И бывал откровенно смешной...

ВАЛЬС-БОСТОН

Постреляли собак.
Распустили конвой.
Сдали длинные списки в архивы.
Тот, кто дóжил, — тот может вернуться домой,
А не дóжил — так это не диво.

Тот, кто дóжил, — он должен, конечно, забыть;
Никому ни словечка, ни звука.

Что бы ни было там — как могло это быть? —
Это страшные сказки для внуков.

Ваша личная сказка — с счастливым концом,
Это так и положено в сказках.
Ну, а тем, кто там лёг в нашу землю лицом —
Им уже не поможет огласка.

Так зачем бередить и тревожить наш сон,
Поминая публично и всуе,
Имена, звук которых вполне невесом,
Может быть, через год уже будет.

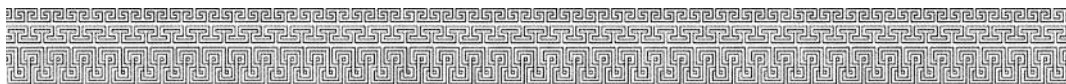
Вам-то выпала карта — под старость пожить
В своём доме — в тепле и покое...
Что ж так часто во сне вы хотите вскочить
И выпрастываете ладони?!

Тех собак уже нет, что кидались на вас,
Если спрятаны руки в бушлаты.
И, азартно собакам кричавшие — фас,
Разбрелись по России солдаты.

Но они, как и вы, не забудут тех лет.
И чем далее — тем сладострастней
Всё им снятся шеренги, шеренги — след в след —
Подчинённые снова их власти.

Так к чему этот старый бессмысленный спор —
Говорите, кричите, пишите!
И пока мы способны забыть наш позор,
Нашу сонную совесть будите...

ТЕМ, КОГО НЕ ОСТАЛОСЬ...

(вальсок)

Нас не касается,
Нас не касается
И — не коснётся...
Где ты, красавица,
Где та красавица,
Что — у колодца...

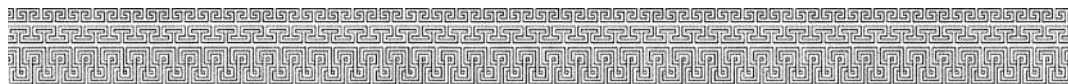
Где те колодцы
С чистой водицей,
Чтобы напиться...
Где иноходцы,
Летящие птицей,
Всадников лица?!

Мы пережили,
Мы всё пережили,
Мы всех пережили:
Девушек с косами,
Мальчиков взрослых —
Наши дружины...

Где те вершины,
Куда мы годами
Спешили домчаться, —
Где те мужчины,
Которые нами
Поныне гордятся?!

Всё сметено,
Всё разбито,
Развеяно пылью —
Девушки с косами,

Мальчики взрослые
В глине могильной...

Мы обесточены,
Мы на обочине,
Нас — не осталось ...
Жизнь, между прочим,
Наполнена прочими,
Как оказалось...

Нас не касается,
Нас не касается, —
Вы постарались...
Нет, мы не каемся,
Нет, мы не каемся,
Мы — попытались...

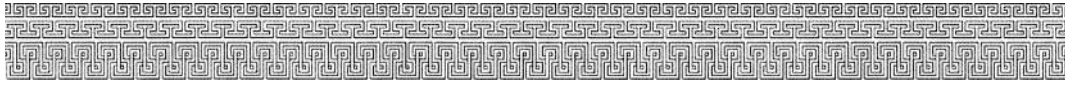
МЫ ВСЕМ МИРОМ ЕГО ХОЛИМ И ЛЕЛЕЕМ...

(Брежнев)

* * *

Не помазанного миром
И елеем —
Мы всем миром
Его холим и лелеем.
Понимаем, что он нынче
Означает,
Провожаем его зычно
И встречаем.
Мы лобзаем его в щёчки
И — где надо,
И ведем под локоточки,
Чтоб не падал.

Он — реликвия
Традиций поколения,
Он реликтивно
Рядится в тогу гения.

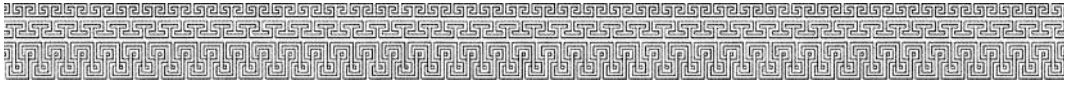
Вот он самый мудрый вождь —
Законодатель;
Вот он учит молодежь —
Он наш писатель;
Вот он в маршалы одетый —
Наше знамя...
Разве только в Академию
Не звали.

Улыбаемся газете
И экрану:
Вот он снова — на портрете,
Вставлен в раму.
И в сверкающем плакате
Он размножен,
И в линялом транспаранте
Придорожном,
В целлулоиде, в бумаге
И в картоне,
В рост и в пояс,
И в любом ином фасоне...

Мы с улыбкой восхищенья
Отмечаем
На портретах ухищрения
С плечами:

С каждым годом он анфас
Все шире, шире.
Он у нас Герой — не раз,
А все четыре.

Но не вечно —
Не пойдём мы на попятный —
И, конечно,
Он Героем будет в пятый...

* * *

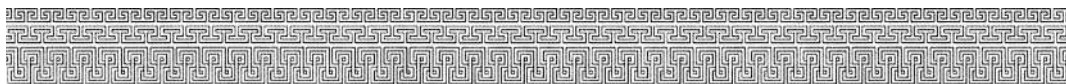
А ведь это не смешно,
Скорей — печально.
Есть здесь некое зерно,
И даже — тайна.
Все властители у нас, —
Попеременно
Каждый — в свой урочный час —
Впадали в скверну:
Тот — бичом, а тот — посмешищем
Народа...
В чём-то тщетно
Убеждает нас природа.

Что-то, видимо, не так
В Королевстве...
Стоп! —
За это четвертак
Давали в детстве.

Впрочем — ежели удастся
Сделать выбор —
Лучше тот, над кем смеяться
Вы могли бы.

Так что — лезьте,
Раздвигайте ему лацканы,
Понавесьте
Все, что есть на свете, цацки.

Пусть сияет в зеркалах
И счастлив будет —
Лишь бы в наших лагерях
Не гнили люди.

Только — чу... —
Мне голос внутренний подсказывает,
Что одно другого
Вовсе не доказывает...

МАЛЬЧИКАМ 91-ГО ГОДА

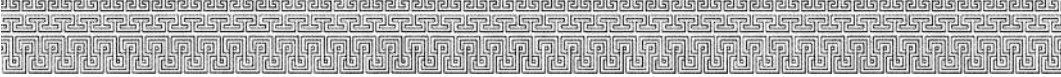
Ваш мальчик вышел со двора
Без страха и сомненья.
Вы вслед кричали: «Не игра!»
Но он ответил: «Не игра...» —
Иное поколенья.

Он успокоил на ходу:
«Нас много, даже — слишком...»
А в шестьдесят восьмом году,
А в шестьдесят восьмом году
Лишь семеро их вышло...

Ваш мальчик — он давно не Ваш.
Ну, что ему — мужчине!
Он в жизни свой имеет стаж.
Ему Ваш опыт — «плешь» и «блажь»,
И страха нет в помине.

Ему принадлежит Земля —
Куда ясней и проще!
Но есть у мальчиков — своя,
Она у каждого — своя,
Единственная площадь!..

Ваш мальчик вышел со двора —
Исчез в толпе прохожих.
Он не вернётся до утра,
Он не вернётся до утра
И не вернётся позже...

Весь шар земной мечтал он всласть
Своей стопой промерить.
А лёг — в Одну Шестую Часть,
Он лёг в Одну Шестую Часть —
Хотел себя проверить.

Ваш мальчик вышел со двора...
Был шаг его осмыслен.
Он точно знал — теперь пора.
И продержаться до утра...
В Москве, В Литве, В Тбилиси...

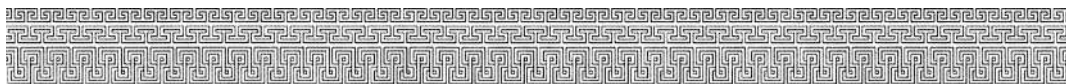
Весь шар земной мечтал он всласть
Своей стопой промерить.
И лёг — в Одну Шестую Часть,
(ещё — в Одну Шестую Часть) —
Чтоб нам в себя поверить...

МАЛЬЧИШКУ ВСПОМНИТЕ ОПАСЛИВО...

Мальчишку вспомните опасливо
И тех друзей его — ребят...
Портреты снятые — в запасниках,
Я знаю — до сих пор стоят.

К стене лицом они до времени,
И выжидают только час,
Когда взрастёт довольно семени,
Так щедро сеянного в нас.

На тех портретах Он не хмурится,
Но улыбается в усы:
Ему готовят путь на улицы,
Поскольку улицы — пусты́.

И ничего не станет странного,
Когда — привычен нам и прост —
Он в главных залах встанет заново
В полувоенном — в полный рост.

В Нём символ власти, взятой прочно,
Побед блистательных — не счесть.
И по всему выходит — в прошлом
Свои резоны точно, есть.

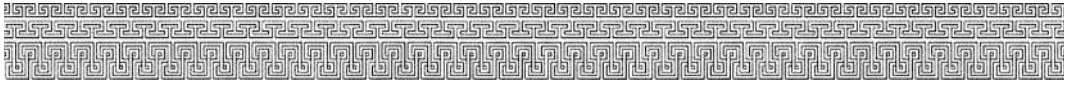
Их объяснят подробно вестники,
И что-то затаят в душе...
Того мальчишку били сверстники,
Но после — били их уже.

Сорокалетние мужчины
Всё меж собой не разберут,
Все разно судят, в чём причины,
Зачем их опыт был так крут.

И был ли нужен этот опыт —
Чтоб по мальчишеским плечам
Вот так: то выносили оптом,
То вновь вносили — по частям.

Чтоб нынешним двадцатилетним
И вовсе стало — не понять:
Почто в парадных залах — этим,
А тем — в запасниках стоять.

Цвета размешаны — и меркнут:
Что было чёрно, то — серо́.
И каждый ищет — кинуть в мерку
Рациональное зерно.

И только ходит неприкаянно —
Кто всё страшится: позабыть
И осознать себя за Каина,
Готовым Авеля убить...

ЛЕНТА МЁБИУСА

Нас швырнуло в жизнь без бонуса —
В сердцевину войн и бед.
Мы влетели в ленту Мёбиуса
И не поняли примет.

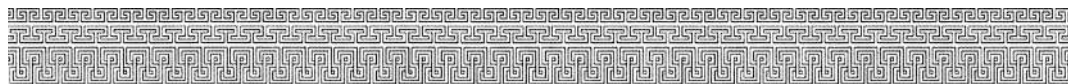
Жизнь прямой казалась лентою,
Не имеющей конца.
Мы не пользовались рентою,
И не прятали лица́.

Нам ли петь с чужого голоса! —
Наша песня — в первый раз...
Кто бы знал, что лента Мёбиуса
Выворачивает нас,

Кто бы жизнь исчислил смóлоду?!
Ты нас, Господи, — прости!..
Мы вставали с ног на го́лову
И обратно в том пути...

И теперь — хватило б совести
Крикнуть с кончика пера,
Что влетели мы на скорости
В то, что про́жили вчера,

Что оттуда тянет стужею,
И давно отживший мир
Нам затягивает души
В грубо штопанный мундир.

И мундиры, точно, — «ста́линки» —
Закольцовано кольцо...
И Хозяин — тоже маленький,
Только голый на лицо...

ТОРОПЛИВЫЙ ВЫБЕГ СТРОК

Голове ль моей-головушке
Боли той — не занимать,
А беду — её на перышке
Стальном — не удержать.

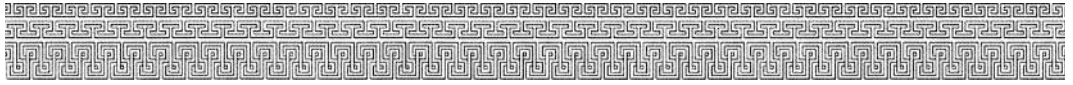
А беда — она накатится
С пера — на белый лист,
Слово — в исповедь огранится
Само — не торопись.

Осознай его источники,
Отстранясь, — издалека,
Обкатай его — на кончике
Родного языка.

Оброни на потаённое —
На донышко души,
Схорони незамутнённое,
Позабудь, не вороши.

Белый лист оставь нетронутым
На поверхности стола,
Не смотри совсем в ту сторону,
С головой уйди в дела,

Выполняй особо тщательно
Обязательный урок
Ежедневно — и старательно
Отдаляй еще свой срок.

И походкою торóпкою —
Как по лезвию ножа —
Обходи тот стол сторонкою,
Про себя — не ворожа...

То единственно-мгновенное —
Оно не подведёт:
Слово искреннее, верное,
Комом к горлу подойдет...

Слово истинное — вызрело,
Пришёл последний срок:
Белый лист покроет изморозь —
Торопливый выбег строк.

И беда моей головушке,
Да не время — горевать.
А судьбу — её на перышке
Стальном — не удержать...

